

*...то принуждение,
которому мы
подвергаем себя,
поставив целью
восприятие новых
вещей, людей или мест,
тут же исчезает, когда
кто-то другой делает
за нас всю эту работу,
оставляя нас свободно
наслаждаться в волнах
непроизвольного
чувствования.*

*Александр Пятигорский
"Древний человек в Городе"*

Михаил Немцев,
социальный антрополог,
философ,
редактор рубрики
«Тема номера»,
Новосибирск,
nemtsev.m@gmail.com,
mnemtsev.livejournal.com

Настройка на тему номера через несколько подводящих к ней размышлений. «Местное знание» и краеведение основа осмысления себя в пространстве, основа опаматывания. Городская мифология и ориентация в обитаемом пространстве; образно-чувственное отношение к месту как необходимая основа проектирования развития местной культуры. Историческое краеведение и миф.

Ориентация на местности. 14 фрагментов

Вместо редакционной статьи

1. Тема, о которой интересно подумать — соотношение роли и функции разных видов знания в развитии самосознания местных сообществ. Это развитие, его условия, задачи, цели и перспективы — ключевая тема множества обсуждений, происходящих в России, бесспорно. После того, как регионы, города и поселения оказались во всеобщей ситуации неопределённости относительно своей судьбы, своего места в стране, в национальной и мировой истории, своих перспектив, началось ускоренное изобретение местных идентичностей.

Видимо, самое простое, с чего оно может начинаться — с поиска престижного центрального статуса; поэтому в России началось размножение столиц. В крупных

городах это особенно заметно, поскольку «столичность» провозглашается здесь официально или полуофициально. Новосибирск — третья столица России, Екатеринбург — тоже третья столица. Казань — столица Поволжья, Улан-Удэ — столица Забайкалья, и так далее. Этот региональный спорт поиска и обоснования «столичности» вполне объясним тем, что часть населения страны до сих пор живёт в Империи, причём в такой Империи, где кроме как в метрополии нигде нет настоящей жизни. Поэтому даже привкус ощущения, что живёшь в «столице», делает эту жизнь более настоящей, то есть подлинной, то есть аутентичной. «Столичность» — это особый способ говорить о своём городе¹; чувствительное к местному своеобразию мышление, пожалуй, будет избегать такого говорения.

2. Вот живу я в Новосибирске, а здесь, пишут, самый большой в мире метромост... Пишут иногда с гордостью. Этот факт всегда казался мне мелким проявлением мирового абсурда. Как это неудобно — жить в городе с самым большим в мире метромостом!..

3. Вообще, наступил очень интересный период в истории социального и гуманитарного знания в России: краеведение, местные исследования постепенно становятся не «последней среди равных» познавательной практикой, а достойной вниманием серьёзного исследователя современной дисциплиной, даже модным занятием. Это проявляется в развитии городских экскурсий: не только гостям города, но и его жителям становится интересно (настолько, что они готовы заплатить за это) гулять по центру, заглядывать в старые дворики, медленно обходить по кругу развалины, планировать от места памяти к месту памяти. Даже когда это делается прежде всего в поисках эстетических впечатлений (как, например, групповые прогулки со

сказочницей Хельгой Патаки по Москве² или участников проекта «ПРО ГОРОД» по Екатеринбургу), история места, от городской истории в целом до истории отдельно взятой башни или дворика, соединяется с другими впечатлениями от этого места, придавая им что-то вроде временного объёма. Чтение города как текста становится всё более востребованным занятием; престижно это уметь³.

В принципе понятно, почему до сих пор, кажется, для большинства людей «краеведение» — это историческое краеведение. Публику, как правило, куда больше интересует история места, чем его ландшафтные особенности (если они не представляют собой какой-либо природный феномен, *экзотику*) и тем более чем факты текущего социально экономического развития (которые почему-то часто считают нужным в первую очередь сообщать чиновники, а по их примеру — создатели экспозиций краеведческих музеев). История увлекает сама по себе: чем древнее событие, тем оно кажется более значительным и подлинным. И при грамотной организованной исследовательской работе и затем правильной подаче даже недавно возникший и внешне ничем не примечательный рабочий посёлок может «извлечь из собственной истории» примечательные факты, которые образуют базу местного образа (местного мифа — о нём ниже) и просто делают его хотя бы немного более привлекательным и интересным и для приезжих (гостей), и для самих жителей. Особенно если такая реконструированная история дополняется образами окружающего пространства/ландшафта...

4. Краеведение — это обогащение местного прошлого, которое проводит специалист по местной истории, откровенное изобретение истории. Местная история вступает в игру с отношениями *подлинности*, «настоящести». Плотность ткани исторической памяти увеличивает состоятельность места в качестве места обитаемого. Поэтому историческое краеведение

¹ Тут я бы не стал винить власти в такой форме символического престижного потребления: студенты-социологи не менее увлечённо обсуждают чаемую столичность собственных городов на студенческих конференциях, как и высокопоставленные чиновники — в телентервью.

² <http://helga-pataki.narod.ru>.

³ См. о «чтении» места»: Митин И. Место как палимпсест // 60 параллель. 2008. № 4 (31).

Ориентация на местности. 14 фрагментов Вместо редакционной статьи

как источник жизнетворящих смыслов, буквально источник энергии естественным образом оказывается востребованным в ситуации (видно, изрядно затянувшейся) перехода российского обитаемого пространства от имперского состояния *к какому-то другому* (которое называть пост-имперским не хочется, чтобы не закольцевать мысленно эту историю⁴). После «сборки фрагментов бывшего СССР», как определяет трансформацию этого пространства В. Каганский⁵, должно наступать состояние сравнительной самодостаточности жизни в разных местах «российского обитаемого пространства». Эффект этой самодостаточности — развитое местное самосознание, которое и основывается на местном (краеведческом) знании. Потому что больше ничем, кроме местной истории, местное будущее *не запитается*. Иначе не интересно! Будущее не может быть интересно *само по себе* (уж наследники-то советского это знают). Вот как продолжение прошлого (мифологизированного прошлого, об этом ниже) оно может быть — и интересно, и привлекательно.

5. Конечно, для построения этого будущего очень важны программы развития: местного, регионального, национального... Местные сообщества зачастую оказываются ресурсом для построения какого-то другого, будущего сообщества. В стране проходят форсайт-семинары⁶, в ходе которых оценивается актуальная ситуация и прогнозируется вероятное развитие событий, создаётся сценарий вероятного будущего, в которое агрегированные ресурсы должны быть рационально инвестированы. Местная история, вкупе с географией и демографией — это ресурс развития, и в качестве такого должна быть рассмотрена, оценена и оптимально употреблена.

⁴ Но при этом и имени-то для этого пространства подходящего ещё нет. Комбинируются способы объяснения, говорения, они уже не адекватны, но новые только созревают. См. Ушакин С. Бывшее в употреблении: постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. № 100.

⁵ Каганский В. Л. Россия. СССР. Россия. СССР? // 60 параллель. 2009. № 4 (35). — С. 68-75.

⁶ Переслегин С. Новые карты будущего. — М.: АСТ, 2009.

И правильно. Капитализировать — так капитализировать. Местная история есть важнейший ресурс локальной групповой и индивидуальной идентичности. Это первый тезис, а вот второй: по большому счёту, краеведение как культурная практика направлено на укоренение, связывание, укрепление подлинности, предоставление пространства для аутентичного полного бытия. И если так его понимать, краеведческое знание может быть совершенно ненаучным, даже антинаучным.

6. Другое направление употребления местной истории — это региональный брендинг. И здесь краеведческие знания оказываются в очень рациональном «обороте». Как преобразить в романтически привлекательное повествование факты драматических событий прошлого либо, наоборот, спокойную осмысленность бездраматической жизни тех, кто был и действовал «здесь» когда-то, как капитализировать их наследие — это знают специалисты по региональному брендингу, гуманитарные технологи, методологи. В принципе не важно, что именно происходило здесь когда-то (если говорить об историческом знании) или каков ландшафт, поскольку интерпретация прошлого конструируется, и знания о «месте» определяются способом их употребления и подачи. Существуют технологии обретения местами собственной уникальности. Это высшие достижения современного гуманитарного рационализма⁷.

Вопрос в том, как рациональная проектная деятельность сочетается-сопоставляется с *мифопоэтикой места* — её-то формирует краеведение как особый тип знания. Как гуманитарный неокOLONиализм?

7. Антинаучность — это родовая болезнь отечественного самодеятельного, «низового» краеведения, известного обычно в исполнении школьных учителей, журналистов, отставных офицеров... Людям из академических учреждений было над чем посмеяться, листая изданные этими

энтузиастами брошюры. Но дело в том, что краеведы и историки хотели от истории разного; одни *питались* прозрачным достоверным знанием, другие — мифологическим фоном этого знания. Они хотели знать, кто первый прошёл по склону горы, на котором стоит их дом; и что с ним потом стало; если архив молчал, для полноты картины ответ на этот вопрос надо было выдумать. Так иногда появлялись причудливейшие мифы.

8. ...Вот приехал в новый город, оказался в новом краю. Не только же банальным музейно-кафешным туризмом заниматься. Новый город. Улицы с неизвестными названиями, гора какая-то. Что интереснее всего при перемещениях в пространстве? «Чем тут люди дышат». Как неповторимый человеческий опыт здесь, в этом пространстве, запечатлён и в каких образах его можно выразить — и речь, может быть, должна идти о придании голоса. Об озвучивании и зарисовке, но прежде всего — об озвучивании. Дома говорят, улицы шепчут, реки имеют свой особенный голос. Пространство живёт своей жизнью — обитаемое или необитаемое; мистицизм тут уместен, если это мистицизм. Иначе города не отличались бы ощущением от пребывания в них. Построенный кем-то и когда-то город живёт сам по себе; вслушаться в эти невнятные местные голоса, пожалуй, полезнее, чем изобретать некие «городские и региональные бренды». Иначе бренды получаются какие-то похожие друг на друга и очень индустриальные. Это многообразные шестерёнки на новоизобретаемых гербах рабочих городов и даже «научоградов». А если город послушать...

9. Да, мифы можно производить. Это, вероятно, органичное для краеведа трудоустройство: *мифологическое описание местности*. Да и что же такое, если не производство мифов, изобретение разнообразной местной символики, сопровождающие её городские легенды, предания? Краеведение, и прежде всего самое развитое его направление — краеведение историческое, естественно мифологизирует обитаемые места. Такое

⁷ Журнал «60 параллель» старается отлеживать, исследовать и публиковать достижения современной гуманитаристики.

Ориентация на местности. 14 фрагментов Вместо редакционной статьи

производство мифического (1) *укореняет*, т. е. формирует чувственную связь сознательного существа с некоторым данным историко-культурным ландшафтом⁸, (2) *насыщает* повседневную жизнь «элементами традиции», т. е. продолжения ранее существовавшего и бывшего (имевшего бытие) *здесь*. Мифология конкретизирует жизнь, насыщая смыслами нахождение в данном пространстве (месте). Но как изящны, продуманы и при том безжизненны бренды городов, придуманные людьми, которые не любят историю этих городов!

10. Можно и так сказать: краеведение — местная история и география, прошиваемые мифопоэтической тканью в конкретное ментальное образование, определяющее смыслы проживания населения «здесь и сейчас». Рациональность знания не связана напрямую с его экзистенциальной значимостью.

11. Перспектива развития краеведения: образное (не поэтическое!) краеведение, эстетика местных пространств, экзистенциальное краеведение, нумерозное (в основе, но только в основе — «сакральное») краеведение. Выявление сред, где дышится особым образом, думается иначе, живётся всерьёз; выявление этих сред прямо у себя дома.

12. Миф территорий между Чусовой и Тоболом отличается от мифа земель, грубо говоря, восточнее Тобола. То вот — Урал, а там — Сибирь. Где Сибирь начинается, понятнее, чем где она заканчивается (в Чите? на Амуре? на Зее?) Но с чего начинается Сибирь? Каков базовый миф этих территорий, этих земель? Для меня — граница, фронтир. Это земли, куда люди из цивилизации только-только пришли. Эти города построены вчера, эти заводы пущены тоже вчера — в больших цивилизационных масштабах, конечно. Мне, университетскому преподавателю,

⁸ Ландшафт, включая в него и урбанистическую среду, всегда случаен для того, кто здесь родился, и не всегда произвольно выбран тем, кто сюда переехал. Как ощущают его тот и другой — не имеет отношения к тому, останутся ли они здесь жить физически или уедут.

смешны разговоры некоторых коллег о том, что высшее образование здесь вовсе и не высшее, мол, университет — никакой это не университет, и так далее: да посмотрите в окно, здесь же ещё вчера ничего не было. А вы хотите *качество*. Да всё же ещё только начинается!.. Фронтир!.. В общем, жизнь *здесь* — это жизнь там, где ещё совсем недавно была граница, и дело не в абсолютном возрасте городов, а том, что при пограничной жизни сначала надо закрепиться, потом выжить, и тут не до культурных излишеств, а уж потом, в перспективе, можно будет (когда-нибудь) и о многом подумать... Это тонкое ощущение чуть более открытого будущего не лишено романтизма. Для некоторых заинтересованных в этом натур, такое ощущение, думаю, должно нарастать при движении на северо-восток; интересно, как это переживается в Магадане (должно же!); для этого надо съездить и посмотреть.

13. Какой миф о своём месте вырастишь, с краеведческими книгами или без них, с тем (в том) и жить. Краеведение — один из немногих видов гуманитарного знания, исчезающий без эмоционального отношения к предмету. Краеведение превращается в локальную историю, местную географию, регионалистику и т. д., каждая со своим демоном, а проживание пространства тут же обнаруживает себя происходящим где-то в других средах.

Вот, Дмитрий Замятин — о географии, но то же самое можно написать и об истории (а родство «специалиста», о котором он пишет, и краеведа просто разительное): «Любое описанное место или страна до сего дня — среди размещаемых в пространстве топографии предыдущих локальных описаний; место есть место его описания, размещаемое и локализуемое этим описанием в строго расчисленном на квадратик ячейки топографическом пространстве. Согласно древнему и не нарушаемому обычаю, местные достопримечательности, объекты культурного наследия, достопримечательные места сами по себе тоже облачают в хрустяще-блестящую упаковку традиционного страноведче-

ского описания. Всё это можно назвать символами территории. Географический специалист неизбежно относится к ним как сторонний наблюдатель. Потому что все доступные его воображению символы территории неизменно оказываются просто вырезанными из бумаги и картона, социологически массивными и стандартными, плоскими фигурками, о которых он не может думать без содрогания. (...) Не бывает достопримечательного места, которое не было бы в то же время местом безличным и однообразным. И подобно тому, как символы территории не свободны от процесса безликой стандартизации, фиксируемого даже самым пространственным и оригинальным путеводителем, не свободен от него и процесс традиционного описания территории, благодаря которому они переходили из рук в руки, из одного слоя пространства в следующий. Поэтому по мере возможности географический специалист отстраняется от него. Он считает своей задачей чесать географию против шерсти»⁹.

14. Какой миф о своём месте вырастишь, с краеведческими книгами или без них, с тем (в том) и жить. Юрий Андрухович в книге «Дезориентация на местности» пишет о Галичине: «Але я маю інакшу перспективу. Точніше, не маю її, бо перебуваю тут, усередині. Це моя територія, це мій підозрюваний і зневажуваний світ, фортечні мури навколо нього давно повалено, рови засипано історичним хламом і культурним сміттям, якоюсь битою порцеляною, гуцулькими кахлями, моя лінія оборони — це я сам, але в мене немає іншого виходу, як тільки боронити цей шматок, цей клапоть, ці клапті, що розлазяться навсідіч»¹⁰.

⁹ Замятин Д. О понятии «география» // Социологическое обозрение. №1, 2010. — Т. 9. — С. 98-99.

¹⁰ Юрій Андрухович. Дезорієнтація на місцевості. — Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2006. — С. 123.